

Словно бы из глубокого, бездонного сна, что длится с самого сотворения мира, Ли Синлунь вдруг открыл глаза и увидел перед собой силуэт, будто вырезанный из хрусталя небес. Тот стоял среди тумана, как призрак из древних легенд - неясный, недоступный, подобно самой вечности, что облеклась в человеческий образ.

Белый пар, окутывавший его, медленно рассеивался, как дыхание уходящей ночи, и сквозь эту пелену проступали черты белоснежной, лёгкой, будто сотканной из света первых звёзд, когда ещё не было времени и имен, одежды. Одежда эта не шуршала, не колыхалась на ветру, она была частью тишины, частью этого места, где даже эхо боится говорить.

Ли Синлунь невольно вспомнил мгновение, когда его рука коснулась того, что он принял за холодный камень. Кожа ощутила не ткань, не металл, а что-то живое, пульсирующее, как сердце горы или дыхание подземных рек. И тогда этот человек, этот Чанькун Чжуоюй, сказал: «У меня есть одежда».

Слова эти прозвучали просто, почти детски, но в них крылось что-то большее, как если бы сама реальность слегка сдвинулась, чтобы вместить их смысл.

Холодный пот пробежал по спине Ли Синлуна. Этот белый туман, что веками занимал уголок Долины Разбитых Душ, чья плотная пелена отпугивала всякую живую тварь, кто осмеливался приблизиться к её границам... Неужели он всё это время был не чем иным, как орудием силы этого странного существа? Одежанием, способным превращаться в густой пар, затмевающий зрение, в защиту, что не подчиняется законам ауры, здесь, в этом месте, где даже мысль становится тяжёлой, а ци рассеивается, как пепел в ветре?

Даже если Чанькун Чжуоюй говорит бессмыслицы, даже если его слова, как обрывки сна, что не помнишь до конца, сила его, должно быть, велика так, что не поддаётся измерению. Ведь только истинный мастер может сделать своё одеяние частью мира, а мир - частью своего одеяния.

И потому Ли Синлунь поклонился, не формально, не по обычаю, а с искренним почтением, как перед тем, кто стоит выше него не только положением, но и природой своего существования.

— Старший Чанькун, — произнёс он, голос его дрогнул, как струна, натянутая между страхом и надеждой, — ваша сила глубока, как океан под луной, и эта юная поросль чувствует свою ничтожность перед вами.

Чанькун Чжуоюй чуть кивнул, но движение это было едва заметным, словно ветер коснулся вершин сосен. Его лицо оставалось бесстрастным, как лицо бессмертного, высеченного в скале, но в уголке губ, едва уловимо, дрожала тень гордой, почти детской, как у ребёнка, которому впервые сказали, что он красив, улыбки.

Ли Синлунь не мог понять этого человека. Он говорил странно, как будто на языке, забытом ещё до начала летописей, но в каждой его фразе, в каждом жесте чувствовалась уверенность, не нуждающаяся в подтверждении. Как будто он знал нечто, что знать невозможно.

Но разве это важно? Если у этого странного старшего действительно есть сила, способная игнорировать запреты Долины Разбитых Душ, то, возможно, они смогут выбраться отсюда.

А ведь Ли Синлунь блуждал здесь уже больше месяца, прошёл каждый закоулок, каждую трещину в камне, каждую тень между деревьями, что растут без листьев и цветов, но так и не нашёл выхода. Эта долина поглощала время, как бездонный колодец поглощает капли дождя.

— Простите мою дерзость, Старший, — начал он осторожно, выбирая слова, как путник выбирает шаги по краю пропасти, — но я уже более месяца пребываю в этой Долине Разбитых Душ. Я обошёл все пути, пересёк все тропы, что вели в никуда. Я не знаю, как долго вы здесь, но ваша сила... она явно превосходит законы этого места. Неужели вы не знаете пути наружу?

Чанькунь Чжуоюй замер. Его взгляд стал далёким, как если бы он смотрел не в глаза собеседнику, а сквозь него в какие-то невидимые глубины, где нет ни времени, ни воспоминаний.

Он не помнил. Не помнил, сколько дней, сколько лун прошло с тех пор, как проснулся здесь. Не помнил, откуда пришёл. Не знал даже, где находится это место - в мире живых или в мире мёртвых, в реальности или во сне, который длится слишком долго.

С того самого момента, как он открыл глаза, вокруг него всегда были маленькие существа, которые шуршали в траве, тыкались носами в его ноги, терлись о колени, как кошки, требующие внимания. Он был сонлив, очень сонлив, и не хотел вставать. Мечтал лишь о том, чтобы снова улечься и провалиться в тёплую, мягкую тьму, где нет мыслей и тревог. Но эти маленькие твари не давали ему спать. И тогда он просто выпустил белый, густой, как молоко луны туман, и окружил себя им, как пеленой, как священной завесой, чтобы никто не смел нарушить его покой.

И вот только сейчас, когда чья-то рука случайно коснулась его кожи там, где было особенно щекотно, он внезапно очнулся. Словно сон оборвался на полуслове.

После пробуждения в голове была пустота. Ни имён, ни лиц, ни прошлого. Лишь смутное ощущение, будто он всегда был таким высоким, прекрасным и недосыгаемым. В его памяти, такой туманной, как этот пар вокруг, хранился только один образ: всякий, кто видел его раньше, замирал, открывал рот и падал на колени. Он не знал, правда ли это. Но чувствовал, что это должно быть правдой. Ибо как иначе объяснить, что даже воздух кланяется ему, когда он проходит?

Он БЫЛ - и этого было достаточно. Он был ВЕЛИК - и этого хватало для уверенности.

Чанькунь Чжуоюй почувствовал, как в груди разливается странное тепло - не сила, не ци, а нечто большее: уверенность, глубокая, как корни древнего дерева, что растёт сквозь камень. Он был могуществен. Это он знал так же твёрдо, как знает дракон, что его чешуя непробиваема, как знает луна, что она светит даже за пеленой облаков. Разве такая жалкая долинка, пусть даже и прозванная Долиной Разбитых Душ, может удержать того, кто однажды

ходил по облакам?

И потому он медленно, почти торжественно, будто давая благословение самой судьбе кивнул, и произнёс:

— Конечно, есть выход.

Глаза Ли Синлуна вспыхнули, словно две звезды, пробившиеся сквозь ночную мглу. Пальцы его задрожали, как листья под порывом ветра, полного предзнаменований. Если он выберется... если он действительно выйдет отсюда живым ... никто не узнает, что он вернулся. Он станет тенью, без имени, без прошлого. И тогда ... тогда он сможет отомстить. Не ради славы. Не ради мести как таковой. А ради тех, кого больше нет. Ради родителей, раздавленных, как тростник под копытами коня. Ради братьев, чьи тела оставили гнить на дороге. Ради сестёр, уведённых, чтобы стать топливом для алхимических печей, живыми свечами в ритуалах, чьи имена запрещено произносить вслух. Старшая сестра перерезала собственные меридианы, лишь бы не пасть в плен. Кузены были взяты в плен с запечатанными путями ци, их судьба была неведома, но явно ужасна.

Только он выжил. Только он сумел скрыться, пока семья прикрывала его бегство. И чтобы сохранить эту последнюю искру жизни, он прыгнул прямо в пропасть, в эту Долину Разбитых Душ, где даже духи не осмеливаются шептать. Даже если каждый шаг будет болью, даже если ноги истекут кровью, он доберётся до вершины. Даже если весь мир забудет его имя, он найдёт тех, кто уничтожил его дом. Он восстанет из пепла, как феникс, и его пламя сожжёт всё, что стоит между ним и правдой.

— Старший... я... я не хочу умереть здесь, внизу, как забытый червь. — Дрожащим, но не от страха, а от сдерживаемого огня, голосом сказал он — Я ещё должен пройти через испытания небес, должен подняться выше. Я обязан выбраться. Обязан...

Он проглотил слова «нести море крови и бездонную ненависть» - они застряли в горле, как заноза.

В ту ночь нападавшие были в чёрном, двигались странно, а не как обычные мастера боевых искусств, не как адепты Зла, чьи методы хотя бы имеют форму и логику. Это были тени, лишённые лиц, безымянная угроза. Он не знал, кто они. Но когда-нибудь узнает. Пока же он должен быть тихим, как змея в траве, невидимым, как дыхание ветра. Даже если выберется, то изменит имя, лицо, путь. Сделает себя новым.

Жаль только, что он был слишком поспешен и назвал своё имя этому странному человеку, Чанькуню Чжуоюю. «Может, он и впрямь такой наивный, как кажется?» — мелькнуло в сердце Ли Синлуна. — «Может, и забудет?»

Он глубоко вздохнул внутри себя, но не заметил, что за спокойной маской перед ним разум Чанькуня Чжуоюя уже давно превратился... в кашу.

Чанькунь Чжуоюй ДУМАЛ, что он всемогущ. Но знал ли он, как выбраться из этой долины? Нет. Он просто ВЕРИЛ. Как ребёнок верит, что солнце взойдёт завтра, потому что оно вставало вчера.

Ли Синлунь смотрел на него с надеждой в горящих глазах. Чанькунь Чжуоюй не мог отвести взгляда и потому, с трудом сглотив, выдавил:

— Я, наверное, умею летать. Давай, я тебя вынесу.

Ли Синлунь: ...

Что-то в этом «наверное» звучало так, будто вместо крыльев у него будут просто хорошо размахивающие руки. Но выбора не было. И потому, с едва заметной дрожью в голосе, он рискнул:

— В Долине Разбитых Душ невозможно использовать духовную силу... но, видя, как Старший управляет белым туманом, думаю, для вас это не преграда?

— Наверное, — ответил Чанькунь Чжуоюй с видом человека, пытающегося вспомнить сон после долгого обеденного дремоты. — Подожди, мне нужно вспомнить, как вообще работают истинные субстанции. Сегодня утром я даже цигун забыл.

Ли Синлунь: ...

Он закрыл глаза. Мир вокруг будто слегка потемнел.

Но Чанькунь Чжуоюй уже сел, скрестил ноги, закрыл веки, волосы его рассыпались по плечам, как водопад, затвердевший в лунном свете. Белые одежды чуть колыхались, будто дышали вместе с ветром. Он выглядел как настоящий бессмертный, как тот, кого рисуют на свитках, такой же сияющий, недостижимый и вечный.

И Ли Синлунь решил, что раз уж судьба подкинула ему этого странного человека, он даст ему один шанс. Один. Он присел рядом, готовый ждать, пока тот соберёт свою истинную энергию.

Прошёл цикл луны и солнца. Небесный нефрит остался неподвижен. Колесо Ли Синлуна тоже.

Когда следующий день взошёл на вершину небес, Чанькунь Чжуоюй открыл прекрасные, как утром после дождя глаза. На губах его играла уверенная улыбка. Он встал, поднял левую ладонь к небу, и произнёс с величественной серьёзностью:

— Встань.

Ничего не случилось.

Чанькунь Чжуоюй не смутился. Просто перевёл ладонь в указующий жест - указательный и средний пальцы к небу и повторил:

— Встань!

Ни ветерка.

Он не сдался. Такое пустяковое дело не могло победить его. Сменил позу. Теперь большой и мизинец тянулись к небесам, как антенны древнего заклинания.

— Встань!! — выкрикнул он с новой интонацией, будто менял канал вещания.

Ни единого колебания ауры.

Он продолжал. Менял жесты, переключал руки, левую, правую, снова левую. Поднимался, опускался, стоял на одной ноге, потом на другой. Бесстрашно встречал поражение снова и снова.

— Встань! Встань! Встань!!!

Когда он наконец сложил пальцы в лотосовый знак, Ли Синлунь не выдержал. Он провёл ладонью по лицу, встал и сказал, будто высекая слова из камня:

— Верить в тебя - самая большая ошибка в моей жизни.

— Подожди, подожди, подожди! — Чанькунь Чжуоюй вдруг схватил его за руку, глаза горели откровенным убеждением. — Я точно помню, что раньше так летал!

Ли Синлунь глубоко вдохнул. В голове мелькнула мысль ударить этого странного человека. Сильно. По лицу. Но он сдержался. Обернулся. Улыбнулся. Голос его стал мягким, как шёлк, но под ним чувствовалась сталь:

— Брат Чанькунь, обычно так летают, да... Но на самом деле достаточно просто направить истинную энергию, притянуть ауру неба и земли и взлететь. Жесты тут ни при чём. Но здесь, в Долине Разбитых Душ... здесь нельзя использовать духовную силу. Совсем.

— А, вот оно что, — равнодушно протянул Чанькунь Чжуоюй, совершенно не замечая, называют его «Старшим» или «Братом». — Теперь понял. Я просто вспомнил: я ведь очень крутой. Просто не люблю часто взлетать.

— Эти знаки на скале, — холодно возразил Ли Синлунь, указывая на высеченные в камне иероглифы, огромные, как люди, — десятки чи в высоту. Очевидно, их оставил кто-то, владеющий истинной силой. Возможно, древний бог. Неужели ты всерьёз думаешь, что это Ты их вырезал? Ты не оставлял меток. Ты просто долго здесь сидел.

Чанькунь Чжуоюй не обиделся, а наоборот начал спорить:

— Я считаю, что это именно я их написал.

«Ты всё ещё думаешь, что можешь летать?!» — хотел закричать Ли Синлунь, но слова застряли в горле. Долгие месяцы боли, гнева, одиночества сделали его сердце тёмным, как дно пропасти. Огонь ненависти пылал в груди, требуя выйти наружу. Но когда он посмотрел на Чанькуня Чжуоюя, на его лицо, чистое, как лунный свет, на его взгляд, полный абсолютной уверенности в себе, он вдруг не смог ничего сказать.

В конце концов, он лишь дёрнул уголком рта и произнёс:

— Главное чтобы тебе было хорошо.

И повернулся, чтобы уйти. Эта часть скалы была слишком гладкой, на ней не за что было ухватиться. Нужно идти к тому обрыву, с которого он упал. Там были хоть какие-то выступы. Но не успел он сделать и двух шагов, как услышал сверху:

— Оглянись.

Он обернулся и увидел, что Чанькунь Чжуоюй не парил в воздухе. Он не использовал ци.

Он просто... подпрыгивал.

Легко касался земли кончиками пальцев ног и взлетал вверх на десятки чи, прямо к тем самым вырезанным на скале иероглифам. Одной рукой он держался за стену, в другой - блестел кинжал. И на том самом месте, где когда-то были высечены слова, он теперь снова вырезал их:

«Отсеки прошлое. Умри и возродись.»

И почерк был тот же самый. Даже штрихи совпадали.

Закончив, он легко спрыгнул вниз, приземлившись с достоинством нефритового принца, лицо его чуть покраснело от усилия, но в глазах горела победа.

— Ну как? — протянул он кинжал Ли Синлуню. — Я же говорил, что это я вырезал.

Ли Синлунь взял кинжал. На лбу у него проступила чёрная линия. Это был ЕГО кинжал. Тот самый, что он носил с собой. Когда Чанькунь Чжуоюй его взял, он даже не заметил.

Но в этот момент в груди снова вспыхнула надежда. Он выпрямился, лицо стало вежливым и почти почтительным.:

— Старший обладает великими умениями, а этот юнец был слеп. — Сложил он руки в поклоне
— Скажите, на какую высоту вы можете подпрыгнуть? Хватит ли этого, чтобы выбраться из долины?

— Попробую, — равнодушно ответил Чанькунь Чжуоюй, и тут же прыгнул...

...и достиг ровно той же высоты, что и раньше - уровня высеченных слов.

Ли Синлунь: ...

Он снова почувствовал это знакомое, ледяное предчувствие.

И точно: Чанькунь Чжуоюй в небе прыгал, как мальчишка на батуте, но сколько бы ни старался, так и не смог подняться выше тех слов.

Это не истинная энергия. Не мастерство бессмертного. Это просто... умение хорошо прыгать. Высокий уровень боевых искусств обычного человека.

— Старший начинал с боевых искусств, — тихо произнёс Ли Синлунь, глядя на высоту вырезов.
— Лёгкость тела у вас действительно великолепна. Но до вершины обрыва ещё очень далеко.

Но Чанькунь Чжуоюй не терял уверенности. Никакого смущения. Никакого сомнения. Он посмотрел на Ли Синлуна с искренней убеждённостью:

— Да, одним прыжком не получится. Но если прыгать много раз, то рано или поздно выберусь. А ты можешь сесть мне на спину.

Этот человек... и вправду лишён всякой гордости. Тупой. Честный. И от этой невозмутимой уверенности, от этой наглой, ничем необоснованной веры в себя, враждебность Ли Синлуна вдруг начала таять, как иней под первыми лучами солнца.

«Если я выживу...» — прошептал он про себя. — «Если небо не решит меня уничтожить, то я обязательно выберусь. И тогда ... тогда я верну всё!»

В его глазах вспыхнул кровавый отблеск. Он был на грани. Если бы не Долина Разбитых Душ,

где ци не работает, он давно бы скользнул в путь демонов.

И в этот самый миг, глухой и тяжёлый гром прокатился по чистому небу. Будто небеса предостерегали того, кто стоит на краю пропасти.

Ли Синлунь поднял голову. Без страха. Если у неба есть глаза, то почему же его семья, столько поколений следовавшая Пути, делавшая добро, жила в покорности, была уничтожена без причины?

— Как ты можешь так говорить? — вдруг резко возразил Чанькунь Чжуоюй, с видом человека, услышавшего кощунство. — Небо свело нас вместе, а значит, оно не хочет тебя убивать. Оно дало тебе МЕНЯ.

Ли Синлунь: ...

Кровь в глазах исчезла. Он озадаченно посмотрел на Чанькуня Чжуоюя:

— Брат Чанькунь... можно спросить... откуда у тебя эта несокрушимая уверенность?

Чанькунь Чжуоюй задумался. Потом покачал головой:

— Не знаю. Просто... я чувствую, что я очень сильное существо.

Даже если прошлое стёрто, даже если я не помню имён и путей - эта уверенность остаётся. Здесь, внизу, я не могу показать свою силу, но когда выберусь, то вы все поймёте.

Ли Синлунь больше не хотел верить. Он фыркнул с презрением:

— Если мы действительно выберемся... я поклонюсь тебе до земли и стану твоим учеником. Сколько культиваторов погибли в этой долине с времён Божественной войны? Даже Великие Золотые Бессмертные не могли выбраться. Если ты не сможешь, то и мы...

— Да! — вдруг хлопнул в ладоши Чанькунь Чжуоюй, глаза загорелись. — Как же я раньше не подумал! У такого великого мастера, как я, должен быть ученик, который будет подавать чай и воду! Ладно, я вытащу тебя, и ты станешь моим учеником.

Ли Синлунь: ...

Он закрыл глаза. Злость вышла из него, как воздух из проколотого меха. Он просто прошептал:

— Давайте сначала выберемся. А об ученике... поговорим потом.

<http://bllate.org/book/14629/1297979>